

Леннарт Лённгрен (г. Тромсё, Норвегия)

МЕСТО ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В ОБУЧЕНИИ ЭЛЕМЕНТАРНОЙ ГРАММАТИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА*

Второй язык, как правило, усваивается другим образом, чем первый. Большую роль играет возраст. В скандинавской среде русский язык обычно изучают не дети, а взрослые (хотя и молодые) студенты. Поэтому естественно исходить из того, что наши студенты, во-первых, учатся русскому языку, сопоставляя его с родным языком, а во-вторых, в большей степени, чем дети, опираются на сознательное применение грамматических правил. Но грамматические правила могут быть в разной степени сложными, обобщающими, формализованными. Кроме того, сама структура языка может быть описана на разных уровнях абстракции. Несомненно, что лингвистически адекватное правило может быть с педагогической точки зрения неудачным.

В своем преподавательском опыте я иногда испытывал недоумение, оправдано ли давать правило в целях редуцирования количества лингвистических единиц— не следует ли представлять студентам материал на более поверхностном уровне. Ниже приведу несколько примеров из двух областей, фонологии и синтаксиса. В первом разделе статьи рассматривается вопрос, целесообразно ли упрощать морфологию введением фонологических правил. Во втором разделе обсуждается возможность упрощения синтаксического разбора предложения при помощи понятия валентности.

Несомненно, что первичная и, можно сказать, истинная форма проявления языка— это звуковая. Носители языка сначала усваивают именно эту форму, а только потом— письменную. Но для тех, кто изучает неродной язык, первичность звуковой формы не так очевидна. Наши студенты в лучшем случае усваивают обе формы одновременно или даже сначала письменную форму.

Значит ли это, что в основе описания морфологической системы в педагогических целях должна лежать орфография? Орфографией можно, конечно, пользоваться в той мере, в какой она правильно и, главное,

---

* Статья была впервые опубликована в 1997 г. в сб. Материалы 3-й международной конференции «Теория и практика преподавания славянских языков», Pécs 1996 (Slavica quinqueecclesiensia II), с. 35-42. Настоящая версия (особенно вторая часть статьи) является результатом значительной переработки.

последовательно отражает звуковую структуру. Но всем известно, что существующие орфографии во многих случаях не удовлетворяют этому требованию. Системы письма являются несовершенными артефактами. И если студенты должны выучить систему языка в «искаженной» форме, то это, может быть, и означает, что язык в конечном счете дается им труднее.

Проблема в том, что существует только одна общепризнанная письменная форма представления языка, а именно орфографическая. Любые другие попытки представлять язык — фонетическая транскрипция, фонологическая транскрипция — являются конструктами ученых и лишены единства и общего признания. Должны быть очень убедительные доводы для введения в преподавание таких конструктов, если главная цель — практическое усвоение языка. Это оправдано только в том случае, если действительно упрощается сама морфологическая система, уменьшается число единиц. Мне кажется, что доводов хватит только на частичное применение фонологической транскрипции. Укажу на отдельные такие моменты.

Начнем с вокализма. Русская орфография, в основном, фонологическая; в частности, гласные передаются везде в «сильной» форме, т.е. без учета редукции, например, *вода*, а не *вада*, *яйцо*, а не *ейцо*. В таких случаях, когда не располагаем информацией, как осуществлялся бы гласный в сильной позиции, мы более или менее вынуждены просто полагаться на орфографию, например, *язык* (а не, например, *езык*); *теперь* (а не, например, *тяперь*). (Можем исходить здесь из предпосылки, что в ситуации обучения русскому языку пользуемся орфографией в наиболее эксплицитной форме, т.е. проставлены ударения и используется буква ё. Другими словами, можем не считаться с тем, что возникают совпадения типа *осёл* / *осел*.)

Но от названного принципа соответствия между орфографией и фонологией есть немало отклонений, когда между двумя уровнями нет однозначного отношения один к одному. Иногда это относится к вокализму корня, например, *расти*, *заря* (правильное написание было бы *рости*, *зоря*), но чаще — к вокализму в окончаниях. Самую большую трудность составляет фонема /o/. В безударной позиции, как известно, эта фонема после некоторых звуков передается как *o*, после других — как *e*, ср. *домом* : *мужем*. Не все учебники считают нужным давать ученикам информацию о том, что имеем дело с одним окончанием. Они предпочитают увеличить число парадигм, говоря о смешанном склонении. Альтернативное и, на мой взгляд, более удовлетворительное решение — строго различать орфографические и фонологические правила. Но это

возможно только за счет введения известной абстракции, на что разные студенты реагируют по-разному.

Необходимо много внимания уделять соотношениям между орфографическим представлением и фонологической системой. Нужны правила типа «/o/ на письме передается как *e* в следующих контекстах». Абстракция заключается в том, что устойчивость (единство) данного сегмента находим ни на фонетическом, ни на орфографическом уровне, а на более глубинном—фонологическом. Когда фонологическая реальность подкреплена орфографически, как в случае *город* (а не *горот*), такая абстракция, разумеется, более понятна ученикам. Кроме того, единство корневой морфемы воспринимается легче, чем единство аффиксальной морфемы.

Введение фонологического уровня может даже привести к тому, что увеличивается число единиц. Например, за формами *поле*, *дядей* студенты должны осознать, что имеет место только поверхностный синкретизм, и что на самом деле следует различать два окончания: с гласным /e/ и с гласным /o/. В данном случае увеличение числа единиц допустимо, так как более важен тот факт, что единство аффиксальной морфемы сохраняется при сопоставлении со словами, где выступают те же окончания в ударной позиции, ср. *остриё* : *остриё*, *струёй* : *морёй*.

Описанную выше ситуацию следует различать от ситуации, например, в родительном падеже множественного числа, где действительно существует выбор между тремя различными окончаниями, ср. *быков*, *царей*, *недель*. Однако здесь возникает другая проблема: необходимость правильно проводить границу между основой и окончанием. Имею в виду такие случаи, как *семей* : *ремней*, где за одинаковым звучанием конца слова скрывается разная морфологическая структура. Студенты должны также видеть различие структур, лежащих за омонимической парой *семью* : *семью* (от *семья* : *семь*).

Кажется оправданным пользоваться понятием нулевого окончания. Важно, чтобы нулевое окончание признавалось не только в случаях типа *семей*, *друзей*, *воскресений*, но также и в формах прилагательных, местоимений и глаголов, напр. *лисий*, *весь*, *чей*, *трать*, *бей*. Более сомнительно использование понятие нулевого суффикса, т.е. в словообразовании. Наличие двух нулевых морфем в словоформе *ход* (ход-0-0) может казаться странным; нелегко бывает также признать трехморфемность словоформ *хода* (ход-0-а), *ловля* (ловл-0-а) и т.п. Но если уж пущена в ход эта абстракция, то нужно настаивать на ней и в прилагательных типа *свиной* (свин-0-ой), *длинношеий* (длинно-ше[j]-0-ий).

Осознанность фонологической системы помогает разобраться в реализации т.наз. беглого гласного, где тоже важно различать фоноло-

гический уровень и орфографические правила. Подлинными исключениями должны быть признаны *ящ*, *один* (/и/ вместо /e/, /o/), только орфографическими — *заяц*, *третий*, *достойн*.

В области консонантизма самую большую трудность составляет фонема /й/. Необходимо, чтобы ученики привыкли к различному написанию этой фонемы в случаях типа *чайка* : *чаек*, *семьёй* : *семей*; важно различать присутствие и отсутствие этой фонемы в конце основы, ср. *собачьей* : *кусачей*. В связи с этим также очень важно знакомить студентов с разными функциями мягкого знака, в случаях типа *недель*, *семья*, *вещь*, *режь*. Именно употребление данной буквы для многих наших студентов остается загадочным, что и отражается на их русских переводах и сочинениях.

Теперь обратимся к синтаксису. Применение синтаксических правил предполагает синтаксический разбор предложения, понимание его структуры. Здесь трудно обходиться без некоторой абстракции. Самые доступные для студентов понятия, это, пожалуй, традиционные части речи и члены предложения. К сожалению, и те, и другие основаны на смешанных критериях. Например, причастие *полученный* и деепричастие *получив*, с точки зрения синтаксического поведения так же далеки от спрягаемых форм этого глагола, как существительное *получение*. Что касается членов предложения, то можно заметить, что дополнения и обстоятельства противопоставлены, в основном, по семантическому критерию («кто/что» : «как/когда/где/куда/откуда»), в то время как определение выделяется по более формальному критерию: категориальной принадлежности подчиняющего слова; хозяином определения должно быть, как известно, слово с дистрибутивными свойствами существительного. Поэтому среди определений можно различать те, которые восходят к дополнению (*строительство дома*) и те, которые восходят к обстоятельству (*поездка домой*).

Одним из самых сложных моментов является определение синтаксических связей, особенно связей подчинительного (зависимостного) типа. Традиционно различаются согласование, управление и примыкание. По мнению В. А. Белошапковой (1977: 32 сл.), эти понятия довольно комплексные и могут быть разложены на более простые противопоставления: предсказуемость/непредсказуемость, обязательность/необязательность, чистая синтаксичность/семантичность (конкретность). Обычно же названная терминологическая тройка определяется чисто формально: при согласовании морфологические характеристики главного слова «копируются» в зависимом слове, при управлении главное слово диктует форму зависимого слова, но не посредством копирования, а примыкание,

наконец, означает отсутствие морфологического приспособления зависимого слова.

Относительно общепризнанным является также различие сильного и слабого управлений (Апресян 1963). Лучше употреблять вместо «управления» термин «подчинительная связь» или «подчиненность», так как речь идет не только о синтаксически управляемых членах (в традиционном смысле). Е. Н. Ширяев (1997), например, различает сильное и слабое примыкание. По поводу согласования он утверждает, что здесь реализуется всегда только слабая связь, но делает оговорку, что есть случаи, когда зависимое согласуемое слово обязательно, напр.: *У него был усталый вид* (с. 521). Тем не менее ясно, что различие сильной и слабой связи традиционно основано на противопоставлении обязательность/необязательность.

В последнее время в синтаксические описания все чаще вводится понятие валентности, причем иногда различают синтаксическую и семантическую валентность. На мой взгляд, валентность лучше всего рассматривать как понятие семантическое. Следует ли знакомить студентов с теорией валентности? Мне представляется, что систематическое применение понятия валентности может способствовать более правильному и ясному пониманию также синтаксической структуры предложения и словосочетания.

Несомненно, что и понятие валентности требует абстрактного анализа при помощи строгих критериев. Из критериев В. А. Белошапковой самый актуальный — критерий предсказуемости. Но важно подчеркнуть, что валентностью предсказывается ни форма подчиненного члена предложения, ни его обязательное (поверхностное) наличие, а только его существование. Так, во фразе *выйти на площадь* предложная группа является таким же «полноправным» актантом, как, например, во фразе *войти в комнату*, и актантом является также имплицитное указание на исходную точку движения (например, «из дома») (ср. об этом Е. Н. Ширяев, 1995, 419–420).

Валентностью обладают только слова, обозначающие факты, ситуации, а не слова, обозначающие предметы. В словосочетаниях типа *строители дома* определение *дома* заполняет не (объектную) валентность слова *строители*, а валентность инкорпорированного в этом слове глагола *строить*. То же верно о существительных *жилище* и *резиденция*, которые, по мнению И. Б. Левонтиной (1995, 188), «предполагают обязательное заполнение валентности субъекта»; на самом деле, валентность в этом случае принадлежит (инкорпорированному/имплицитному) глаголу *жить*. Носителем валентности может быть не только слово (свободное, инкорпорированное или имплицитное), но и морфема, как в

случае *крыша дома*, где функцию двухместного предиката с приблизительным значением принадлежности выполняет окончание родительного падежа (т.наз. «genitivus possessivus»).

В педагогических условиях предпочтительно не пользоваться непосредственно валентностью, а довольствоваться синтаксическим разбором, имплицитно основанным на этом понятии. При этом сначала следует исходить из различения подчиняющих и подчиненных слов, т.е. каждой синтаксической конструкции сопоставить соответствующее ей дерево зависимостей. Только после этого можно приступить к различению сильной и слабой связи. Как маркированный член этой оппозиции предлагаю рассматривать сильную связь; она налицо везде, где главное слово предполагает присутствие зависимого слова. Сильная связь может реализоваться при управлении: *Министр приехал в Москву, приезд министра в Москву, завоевание Казани русскими, красота природы*, при согласовании: *мой приезд, лесной пожар*, и при примыкании: *вернуться домой, возвращение домой*. Во всех других случаях усматриваем слабую подчинительную связь. Например, при управлении: *(Он) болел неделю, (Они) встретились в Москве*, при согласовании: *красивое платье, лесная тропинка, вчерашняя встреча, приехавший (в Москву) министр*, при примыкании: *приехавший (вчера) министр*.

Итак, сильная связь предполагает, во-первых, соответствие между синтаксической и семантической подчиненностью, во-вторых, чтобы главное слово принадлежало к разряду знаков, традиционно признанных носителями валентности, т.е. глаголов и прилагательных, а также производных от них отвлеченных существительных. При слабой связи нарушается одно или оба условия.

Первое условие нарушается в случаях *красивое платье, предмет любви*, где семантическим предикатом является синтаксически зависимое слово. Можно допустить одно исключение из условия совпадения синтаксической и семантической подчиненности, а именно предикативные конструкции типа *Девушек было три* и *Он—большого ума*. Здесь как предикат, так и актант подчинены связке *быть*. Несмотря на это, связь между предикатом и актантом признаем сильной. Из этих конструкций первая восходит к сильной связи (*три девушки*), вторая—к слабой (*человек большого ума*).

Второе условие нарушается в случаях *(Они) встретились в Москве, (Он не) приехал из-за плохой погоды, (Он не) приехал, так как была плохая погода, строитель дома и крыша дома* носителями валентности являются традиционно «непризнанные» языковые знаки, а именно предлоги (*в, из-за*), союзы (*так как*) или морфемы (<строить>, <РОД>).

(О слабой подчиненности в конструкциях с непредикативной пропозицией, ср. Белошапкина, Менькова, 1995.)

Для подчиняющихся изменяемых слов важно отметить, выступают ли они в качестве слов или словоформ, т.е. обладают ли данной связью вся парадигма или только ее часть. В типичном случае подчиняющим элементом является слово, но исключения составляют, в частности, спрягаемая форма глагола (только эта часть парадигмы имеет валентность на подлежащее), большинство числительных и слова *много, несколько, сколько, столько* (только в именительном и винительном падеже они управляют родительным падежом; ср. также *что нового, но чему новому*), качественные прилагательные (только в сравнительной степени они имеют валентность на «актант сравнения»), ср. также: *Москва ночью* но *Москву ночью*. Только в именительном падеже возможно «перевешивание» зависимого члена: *Приехало студентов семь. : Студентов—семь., Хорошо продается обувь иностранного производства. : Эта обувь—иностранного производства.*

Согласование необходимо трактовать как явление, иногда независимое от подчинительных связей предложения. Вследствие этого возникли два новых термина: «контролер» и «мишень». Например, тот факт, что подлежащее синтаксически зависит от сказуемого, не мешает признать подлежащее контролером, и сказуемое мишенью по отношению к категориям рода, числа и лица; ср.: *Море шумело*. Подобную связь наблюдаем между «логическим субъектом» и его определением в примерах *Тебе выступать первому* (где включена категория падежа) или *Тебе выступать первым* (без согласования по падежу). В словосочетании *две книги* числительное является контролером по отношению к категории падежа, а существительное—по отношению к категориям рода и числа.

В случае подчиненных слов целесообразно заменить традиционную категориальную классификацию слов новым, чисто синтаксическим разделением на дистрибутивные классы. Важнейшее место здесь занимает категория падежа. Первыми классами новой классификации поэтому будут беспредложные носители падежей: слова в именительном (ИМ), винительном (ВИН), родительном (РОД), дательном (ДАТ) и творительном (ТВОР) падеже. Особый класс составляют слова, получившие падежную принадлежность «по наследству», т.е. посредством согласования (СОГЛ). Остальные дистрибутивные классы—это наречие (НАР), инфинитив (ИНФ), деепричастие (ДЕЕПР). Кроме того, в отдельные классы целесообразно выделить—несмотря на их внутреннюю синтаксическую структуру—два типа словосочетания: предложная группа (ПГ) и союзная группа (СГ), а также придаточное предложение

(ПРИД). Особый класс составляет спрягаемая форма глагола (включая связку *быть* и «словоформу» *нет*): слова, принадлежащие к этому классу, являются синтаксически независимыми в пределах простого предложения.

В дополнение к приведенному выше материалу проиллюстрируем теперь для каждого дистрибутивного класса распределение по обеим типам связи. Примеры перед двумя косыми чертами относятся к сильной связи, а примеры после них — к слабой.

ИМ: *Море шумело. Мне двадцать лет. Ее зовут Лена. // река Дон; читать книгу страница за страницей.*

ВИН: *читать книгу; Она проспала три часа. // работать неделю. Она спала три часа.*

РОД: *Денег нет. Газет он не читает. лишить кого-н. покоя; бояться собак; Он—большого ума. Волга шире Оки. три стола; красота ландшафта; пение птиц; строительство моста // Он приехал пятого мая. крыша дома; строитель дома; командование полка; ландшафт необыкновенной красоты.*

ДАТ: *Он подарил сыну игрушку. радоваться весне; Мне негде сидеть. Мне не спится. помощь другу // Он построил сыну дом. Он мне сын. памятник Пушкину.*

ТВОР: *довольна решением; Дорогу обсадили липами. Дом строится немцами. командование полком; Он был инженером. Это казалось непонятным. Я считаю его умным. // резать хлеб ножом; Он вернулся стариком. Она увидела мать сидящей на полу. удар ножом.*

СОГЛ: *Она была красива. Он инженер. Она стала худая. // хорошая погода; высокий прыжок; в трех городах; Она приехала больная. Она видела его живого. Его брат, геолог, приехал первым. Уставший, он сразу лег спать.*

НАР: *Стало холодно. находиться дома; вернуться домой // очень красива; прыгать высоко; работать дома; мир сегодня.*

ИНФ: *заставить купаться; попытка найти компромисс // пойти купаться.*

ДЕЕПР: *(Он был слегка подвыпивши.) // Проснувшись, он увидел брата.*

ПГ: *Он сомневается в тебе. Дом—на реке. У него трое детей. выйти из ванной; поездка в Крым // петь в ванной; У него умерла жена. ваза из стекла; дом на реке; работа в лесу.*

СГ: *Он сильнее, чем ты. рассматривать вопрос как решенный // Он умер, как герой.*

ПРИД: *Знаю, что он придет. Неизвестно, когда он придет. утверждение, будто она права // Когда смогу, приду. человек, которого уважаем.*

* * *

Безусловно, трудно доказать, что понимание фонологической или синтаксической структуры приводит к более быстрому чисто практическому усвоению языка. А даже если и не так, не представляют ли понимание, осознание сами по себе ценность, особенно на уровне университета? В конце концов, некоторые из студентов—это наши будущие преподаватели русского языка, и желательно, чтобы их теоретический кругозор был немного шире, чем у рядового пользователя языка.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Апресян Ю. Д.* О сильном и слабом управлении (опыт количественного анализа). // Вопросы языкознания 1964:3, с. 32-49.
- Белошапкина В. А.* Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977.
- Белошапкина В. А., Менькова Н. В.* Пропозитивная семантика сложного предложения (количественный аспект). // Филологический сборник. М., 1995, стр. 53-61.
- Левонтина И. Б.* Статья «дом 2» // Апресян Ю. Д. и др. [ред.] Новый объяснительный словарь синонимов. М., 1995, стр. 179.
- Ширяев, Е. Н.* Управление как тип синтаксической связи: поиски и решения. // Филологический сборник. М., 1995, стр. 415-420.
- Ширяев, Е. Н.* Статьи «Примыкание», «Согласование», «Управление». Энциклопедия Русский язык. 1997, с. 380, 520, 577.